

ЧТО ЛЕГКО НАЖИВАЕТСЯ, ТО ЕЩЕ ЛЕГЧЕ ПРОЖИВАЕТСЯ.

Въ небольшомъ городѣ, на Окѣ, жиль бѣдный мѣщанинъ, занимавшійся уже лѣтъ десятокъ перевозомъ черезъ рѣку. Сколько ни перемѣнилось во все время это откупщикоў или хозяевъ парома, а Тимофеичъ все переходилъ изъ рукъ въ руки, отъ одного хозяина къ другому, и всегда быль старшимъ паромщикомъ. Эта работа кормила его, онъ къ ней привыкъ, а какъ онъ быль человѣкъ богобоязливый и никогда не обманывалъ хозяина въ сборѣ, то ему и вѣрили и хорошо его держали. Дядю Тимофеича знали всѣ, отъ мала до велика, а у многихъ быль онъ въ домѣ и кумомъ. Наживнаго добра было за нимъ немногого; въ десять лѣтъ сколотилъ онъ себѣ одинъ праздничный кафтанъ, да дубленый тулупъ, а плисовую шапку другой годъ все только еще купить сбирался, и когда приходилъ къ берегу въ городъ, на

рынокъ, чтобы запастись дня на три на четыре хлѣбомъ, то, бывало, зайдеть въ ряды, поглядить шапки и прицѣнится къ нимъ. Въ работѣ же ходилъ онъ въ старой изношенной сермягѣ.

Хоть и привыкъ Тимофеичъ къ долѣ своей, однако, не безъ того, бывало, что покрякивалъ, да глядя на другихъ и завидовалъ имъ подъ часъ. «Вотъ де, за что Богъ далъ такому—то и такому—то, а мнѣ не даетъ! такая видно доля моя безталанная.» И частенько таки стала онъ жаловаться людямъ на бѣдность свою и просить у Бога богатства. «То—то,» думаль онъ, «зажилъ бы я! И нищую братію не покинулъ бы, а прирѣль бы всякаго убогаго!»

Ни съ того, ни съ сего, вдругъ требуетъ къ себѣ Тимофеича городничій; а городовой, который пришелъ за нимъ, кланяется ему и поздравляетъ его и несетъ такую чуху, словно рехнулся. «Пришло», говоритъ, «извѣстіе, что ты разбогатѣль, дядя Тимофеичъ; дядя, что ли, какой—то у тебя въ Ростовѣ померъ; и былъ приписанъ

въ купцы, и деньги нажиль видно большія, да дѣтей, стало быть, у него нѣть, а все виши достается тебѣ!»

Подумалъ Тимофеичъ, почесавъ затылокъ, что за притча? Поглядѣль на городоваго, — видить — тотъ безъ шапки предъ нимъ стоитъ и все кланяется и поздравляетъ; стало быть ужъ не обманываетъ, не сталъ бы беспокоиться эдакъ изъ пустяковъ. Пошелъ Тимофеичъ и дорогой все припоминаетъ, да и вспомнилъ былъ у него точно дядя; и торговалъ гдѣто, но ужъ годовъ больше десятка никакихъ обѣ немъ слуховъ не было.

И сталъ Тимофеичъ богачемъ. Наканунѣ только прицѣнился къ плисовой шапкѣ, да подумалъ: дорого три рубля, гдѣ ихъ возьмешь? А теперь вдругъ говорять ему: поѣзжай въ Ростовъ, оттуда начальство пишеть, требуетъ тебя; померь дядя и завѣщалъ тебѣ домъ и двѣ лавки и тысячу сто денегъ. Сто тысячу — тутъ не скоро придумаешь, какъ насчитать столько, а ему говорятъ: все твое, да еще и домъ и двѣ лавки.

На силу собрался Тимофеичъ въ путь: люди не вѣрять, никто взаймы не даетъ, а своихъ и пяти рублей нѣтъ, не на что бѣхать. Однако хозяинъ пособилъ. Тимофеичъ пріѣхалъ, и глазамъ не вѣритъ; не видаль и во снѣ такого богатства и какъ съ чѣмъ управиться, не знаетъ; столько-то денегъ, говорять ему, по заемному письму на такомъ-то купцѣ, а столько-то на другомъ; такой-то товаръ отправленъ съ прикащикомъ туда-то, а съ такого-то слѣдуеть получить столько-то... Тимофеичъ грамоты не знаетъ, сбился съ толку совсѣмъ, не знаетъ, что и дѣлать. А тутъ еще совѣтниковъ да пріятелей новыхъ нашлось много, обманываютъ его кругомъ, свели съ ума совсѣмъ. Кто зоветъ, да потчуешь, да угощаетъ; кто самъ въ гости напрашивается, на новоселье; кто какие-то старые дядины счеты сводить, въ которыхъ Тимофеичъ никакого толку не смыслить и только сидить слушаетъ, да глазами хлопаетъ; а кто на новые обороты, на торговлю подбиваетъ, да обѣщаетъ большіе барыши; словомъ не знаетъ бѣдный

Тимофеичъ, своя ли голова у него на плечахъ; бѣда да и только, отроду не видаль такой бѣды!

Какъ ни бился Тимофеичъ, а видить, что самому ему не управиться, съ богатствомъ своимъ не совладать. Ужъ его и въ судъ таскали, заставляя платить по какимъ-то заемнымъ письмамъ дядинымъ, которыхъ онъ и прочитать не умѣеть; тутъ не доплачиваются ему самому, а онъ не дастъ толку, что ему слѣдуетъ, да того гляди срокъ пропустить и поминай какъ звали денежки; тамъ требуютъ по какой-то торговой сдѣлкѣ дядиной пять тысячъ, а расчетъ, говорятъ, будетъ черезъ годъ со днемъ: на все, говорятъ, торговые сроки положены; а тамъ, гляди, прикащикъ пропалъ, сбѣжалъ, спустивши товаръ на всѣ четыре стороны, да и деньги съ собою снесъ; — словомъ, пошла бѣда, растворяй ворота.

Какъ запеть мой Тимофеичъ съ горя, да мертвую чашу, ударивъ свою плисовую шапку объ-земль, такъ у него все кругомъ пошло, ровно на ниточкѣ, и горе отлегло

оть сердца и тужить позабыль. Однако, это плохое средство сбывать заботу, потому что сбудешь ее не надолго, а развѣ только накопишь да еще и въ рость пустишь, и съ легкой руки разживешься, разбогатѣешь горемъ, тугой и нужей пуще прежняго.

Сталась такая притча и надѣ Тимофеичемъ. И не винокуръ, говорили внасмѣхъ ростовцы, а прокурилъ всѣ! сколько растащили, сколько безъ счету пропало, сколько оть недогляду, а сколько и самъ пропустилъ въ ненасытную утробу свою, да распотчиваль, угощая весь міръ — не знаемъ мы этого, да, чай, и никто не знаетъ, потому что никто, ниже самъ Тимофеичъ, счетовъ этихъ не сводиль. Знаемъ только, что когда бѣднякъ воротился разъ мертвецки пьяный въ хоромы свои, уснуль гдѣ-то на полу, покинувъ свѣчу, и зажегъ свой домъ, и когда домъ этотъ сгорѣлъ благополучно, то вытащили изъ него одного только хозяина, и то въ оборванномъ кафтанѣ, а болѣе, у него за душой не осталось ничего. Все прожилъ, а остатки сжегъ, до копѣйки.

Горько было похмелье бѣдному Тимофеичу, это правда; но какъ ни горько, все таки онъ вздохнулъ вольнѣе, чѣмъ взыхалъ съ самаго прїѣзда въ Ростовъ; горько, а на душѣ легко! «Не станутъ теребить теперь,» подумалъ Тимофеичъ, «не станутъ обкрадывать кругомъ, не стану и я уплачивать Богъ вѣсть чьи заемныя письма, — да и не стану пить больше: конечно все, ровно сонъ тяжелый съ плечъ свалился. Эти деньги пришли какія–то шальныя», подумалъ онъ, «не нами нажито, такъ не намъ и досталось.» Плюнуль Тимофеичъ, да и пошелъ.

А пошедши, нанялся онъ въ работники къ блинщику, жиль у него хорошо и честно годовъ пять; заработалъ небольшія деньги — да трудовыя, а потому и сберегъ ихъ; воротился подъ старость на родину и самъ сталъ промышлять тѣмъ же ремесломъ. Какъ утро, бывало, такъ Тимофеичъ идетъ по гостиному ряду въ пестромъ ситцевомъ фартукѣ, съ лоткомъ на головѣ, и припѣваетъ: «у насъ блины, у

нась горячи — и денежки были, да въ Ростовѣ сплыли; — блины горячи!»

Всѣ знали Тимофеича, всѣ любили его, какъ стараго друга, разбирали у него блины, и слушали поговорки; — тамъ онъ живеть и понынѣ и богатства у Бога не просить.
